

личий в экспериментальной и контрольной группах выявлено не было.

При сравнительном анализе результатов в экспериментальной и контрольной группах также обнаружено, что величина прироста уровня физической работоспособности, определяемой по тесту PWC-170, в экспериментальной группе составила 35,3 %, а в контрольной группе - 18,1 %.

Сопоставление результатов эксперимента подтвердило наше предположение о желательности пре-

имущественного применения в занятиях физической культурой разнообразных видов оздоровительных программ аэробики, дающих лучшие результаты по сравнению с общепринятой методикой проведения занятий классической аэробикой. Использование разнообразных видов оздоровительной аэробики способствует более успешному развитию свойств психической деятельности студентов, высокому уровню их координации и работоспособности, чем общепринятая методика проведения занятий.

«ОТ ПУСТОСЛОВИЯ ТОЛЬКО УЩЕРБ...» (К ОПИСАНИЮ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ)

А. В. Карабыков, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук

Слово и речь имели в жизни и культуре Древнего Израиля чрезвычайно важное и при этом весьма специфическое значение. Будучи напряженно религиозным, израильское сознание мыслило жизнь как драматический процесс взаимодействия с Богом. Неудивительно, что именно в нем родилась мысль, впоследствии повторенная человечеством: «Не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа» (Втор. 8:3). Причем исключительная значимость речи могла проявляться не только в созидательном, животворящем ключе, но и в деструктивном, разрушительном направлении. Евреи верили, что бытийные потенции слова могли употребляться также с негативными целями: в мир через речь входит «слава и бесчестье» (Сир. 5:15); более того, сама «смерть и жизнь - во власти языка» (Притч. 18:22). Влияние речи достигает таинственнейших глубин человеческого естества. Неслучайно поэтому источником и хранилищем речи, разума, знания евреи считали сердце (Исх. 35:34; Втор. 6:6; 30:14; Нав. 14:17). В их представлении душа каждого живого существа пребывала в его крови, что давало повод к их отождествлению (Лев. 7:11, 14; Втор. 12:23). Для древневосточного мышления речевая деятельность была важнейшей формой реализации жизненных сил человека. Соответственно, молчание, наряду с мраком, служило главным атрибутом смерти и ее царства («шеола»), в чем мы уже убедились на примере египетской культуры. «Нечестивые. да умолкнут во аде», - возглашает псалмопевец (30:18), впрочем, видя в этом общую участь человеческого рода

(Пс. 29:10; 6:6). «Немертвые в аде, которых дух взят из внутренностей их, воздадут славу и хвалу Господу; но человек, скорбящий о великости бедствия», - убежден пророк Варух (2:17-18; Сир. 17:24). Из земной жизни молчание охватывает человека тогда, когда он замирает в изумлении и страхе. Вспоминая свое бывшее величие, Иов замечает, что при встрече с ним «князья удерживались от речи и персты налагали на уста свои; голос знатных умолкал, и языки прилипали к гортани» (29:9-10, 21-22; 21:5). В сходных образах пророки передают впечатление, производимое на смертных приближением Бога (Авв. 2:20; Соф. 1:7; Зах. 2:13), а в хронике макковейского восстания описывается состояние мира, вызванное агрессией Александра Македонского (1 Макк. 1:3).

С точки зрения древневосточного сознания, речь могла не только создавать и изменять социальные факты, но также преобразовывать бытийные характеристики реальности. Наделенная таким онтологическим могуществом, она требовала соответствующего, чрезвычайно серьезного, отношения к себе, которое было закреплено в нормах суровой коммуникативной этики. Их анализ позволяет сформулировать основополагающий императив речевого поведения древнего израильтянина: «Будь осторожен, благоразумен и воздержан в общении». Причем это требование предъявлялось ко всему поведению человека (см. Тов. 4:14). Осторожность и благоразумие в коммуникации были связаны с умением предусматривать и, если нужно, избегать тех последствий, что входили в мир посредством речи.

На Востоке считали, что высказанное однажды слово начинало жить своей собственной жизнью, подчиняясь определенным универсальным закономерностям, действующим в космосе. Среди таких закономерностей Писание выделяет неизбежность бытийного самопроявления речи, ее воздействия на жизнь: «И тайное слово не пройдет даром», – поучает Екклесиаст (10:20). Другим принципом, обуславливающим существование слова в речи, евреи считали коммуникативное воздаяние и поруку. Так, в одном из псалмов о злоречивом говорится: «Возлюбил проклятие, – оно и придет на него; не восхотел благословения, – оно и удалится от него» (108:17). Люди пожинаят в жизни те плоды, семена которых были посеяны их речевыми поступками. В силу этого «злодей внимает устам беззаконным, лжец слушается языка пагубного» (Притч. 17:4; Пс. 63:9, 139:10). Еще одним обязательным следствием, о котором следовало помнить израильтянину, являлось речевое «заражение». Не только злоречивый и лжец «притягивают» к себе негативную энергию, генерируемую в коммуникации, – она с необходимостью распространяется в информационном пространстве, влияя на всех пребывающих в нем людей. И потому «общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится» (Притч. 13:21). Этим объясняется решительность библейского запрета вступать в общение с пустословами, лжецами и прочими *personae non gratae* коммуникации (Притч. 20:19).

Осторожность и воздержанность оберегали человека от двух самых тяжких грехов, совершаемых в речи. Древнееврейское сознание относилось к ним ложь и злословие. Ввиду того, что речь переживалась и осмысливалась им по преимуществу перформативным образом, первый из названных пороков вел к ослаблению и деградации перформативности, тогда как второй представлял собой злоупотребление этим важнейшим качеством речи. Говоря о лжи, прежде всего, укажем, что в представлении израильтян Бог никогда не лжет (Числ. 5:7; 1 Цар. 15:29). Его речь – это идеальное мерило качества всех человеческих высказываний – обладает абсолютной действенностью, так как она всецело правдива. Ненавидя обман, Иегова грозит смертью всем лжецам: «Будут истреблены все поборники неправды, которые запутывают человека в словах» (Ис. 29:20; Иуд. 5:17; Пс. 5:7; Притч. 19:9).

В связи с общим запретом лжи ветхозаветная идеология осуждает лжесвидетельство (Втор. 5:20; Притч. 6:19), заведомо несправедливое обвинение (Втор. 19:18-20), ложную клятву (Лев. 19:12), лицемерие (Пс. 61:5), лесть, служащую характерной чертой речевого поведения блудницы (Притч. 2:16; 6:24; Пс. 11:4). По свидетельству пророков VIII-V вв. до н. э., наблюдавших духовный упадок Израиля, одним из зримых его симптомов было широкое распространение лжи и, как следствие, утрата доверия в обществе. Говоря о современниках, Иеремия замечает: «Приучили язык свой говорить ложь и лукавствуют до усталости» (Иер. 9:5). В это «злое» время нельзя верить даже другу и полагаться на приятеля, от самых близких следует стеречь двери уст своих (Ам. 5:13; Мих. 7:5).

Коммуникативная этика, нашедшая отражение в Писании, противопоставляет лжи правду как соответствие слова жизни и верность как соответствие жизни слову. «Твердо держи слово и будь верен ему», – поучает сын Сирахов (29:3; 5:12). И псалмопевец, обращаясь к Господу, утверждает: «Кто может пребывать в жилище Твоем?.. Кто не клеветает языком своим (...), кто клянется, хотя бы злому, и не изменяет» (14:1-4; 23:4; Иов 6:10). При всей близости библейских предписаний той модели речевого поведения, что в целом была типичной для всех древневосточных культур, существовало одно отличие, кардинально отличавшее евреев от соседних народов. Ветхий Завет практически полностью лишен бахвальства и лести, процветавших с поразительной пышностью на Востоке¹. Вся слава в Израиле принадлежала Иегове, и потому желающему славословить подобало хвалить лишь Бога, а склонному к бахвальству – превозносить свою причастность к Нему. «Желающий хвалиться, да хвалится тем, что разумеет и знает Господа» (1 Цар. 2:3; 1 Пар. 16:8; 7:13; 23:30-31; Пс. 29:13). Неслучайно сквозь всю Псалтирь проходит идея предпочтительности для Бога вербальных жертв над вещественными (см. Пс. 49:23; 14; 68:31-32).

В отличие от бахвальства и лести, этих тонких разновидностей лжи, злословие категорически запрещалось и осуждалось во всем древневосточном мире. Так, герой старовавилонской поэмы исповедуется: «Не поносил я брата пред братом, друга пред другом его не хулил я»². И египетский поэт говорит об идеальной супруге: «Уста ее не поро-

¹ Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на анналы и надписи месопотамских и египетских властителей. «Великий царь, могучий царь, – характеризует себя вавилонский правитель Синаххериб, – совершенный герой, могучий самец, первый из всех правителей, узда, смиряющая строптивых» и т. д. См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997. – С. 170, 175, 152. Указанную особенность древнееврейской ментальности фиксирует Иосиф Флавий, заметив, что неспособность иудеев к лести стала причиной нелюбви к ним со стороны Ирода, бывшего, кстати, инноплеменником (XVI, 15:4). См.: Флавий И. Иудейские древности. В 2 т. Т. 1. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – С. 159.

² Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии. – М.: Наука, 1983. – С. 192.

дили никакого зла»³. Полагая злословие одним из двух главных речевых прегрешений, евреи выделяли его наиболее тяжкую разновидность – хулу на Бога и родителей. Преступления такого рода карались смертью (Лев. 24:10-16; 20:9). Другой формой злоречия, подлежавшей самому суровому наказанию, было злокозненное колдовство. В силу известных причин израильская идеология решительно запрещала магию как таковую. Подобная санкция, как мы увидим позднее, была свойственна и древнеримской культуре. В то же время у прочих народов Востока, чье мировоззрение было насыщено магией, занятие колдовством осуждалось из-за той опасности, которую оно несло жизни общества. Ассирийцы, хетты, египтяне ставили вне закона только ту область чародейства, которая впоследствии получила название черной магии. При этом единственное средство противодействия зловредному колдовству они находили в самом же колдовстве. Как клин вышибается клином, так оборонительные и наступательные магические практики сопровождали и дополняли друг друга. К примеру, совершая обряд «расколдования» больного, хеттская жрица произносила:

Я победила слова колдовства.

Как ни сильны были чары,

Сила заклятья сильнее у меня⁴.

И поскольку для архаического сознания не существовало всецело профанных сфер бытия, есть основания считать, что оно не знало четкой границы между обыденным злословием и магическим проклятием. Исходя из рассмотренного выше представления о бытийной активности слова, можно утверждать, что любой акт злоречия имел в этом сознании магический аспект. Данное обстоятельство объясняет свойственную Древнему Востоку нетерпимость в отношении злословия как такового. В глазах того общества, где речь переживалась подобно электрическому току – как особая субстанция, непосредственно воздействующая на жизнь, – описываемая нетерпимость была вполне оправданной. «Он убит словом» – древние могли понимать эту фразу с той же буквальностью, с какой мы воспринимаем предложение «Он убит током». «Есть речь, облеченная смертью», – замечает сын Сирахов (23:14). И потому из всех мысли-

мых угроз он больше всего страшится «городского злословия, возмущения черни и оболгания на смерть, – все это ужасно» (26:5-6). Эти вещи и не могли восприниматься иначе в рамках мировоззрения, видевшего причины всех бед и болезней, постигавших человека, в энергетическом влиянии враждебных существ⁵. Таким образом, осуждение злоречия можно конкретизировать как запрет проклятия, но не в том смысле, что все речевые действия деструктивного характера строились по одной жанровой модели, а в том, что они имели, хотя бы отчасти, магическую природу, наиболее ярко проявлявшуюся в проклятии. «Слово проклятия на языке у тебя осуждено», – читаем о Валааме в одном из ветхозаветных апокрифов⁶. И Иов, вспоминая о враге, признается слушающим его друзьям: «Не позволяя я устам моим грешить проклятием души его» (31:30). Собственно проклятие как апогей проявления негативных потенций речи переживалось израильтянами настолько серьезно, что всякий, кто становился пусть даже невольным свидетелем его совершения и не сообщал об этом другим, совершал преступление (Лев. 5:1). Однако в силу отмеченной магико-религиозной амбивалентности этого жанра табу на его повседневное употребление соседствовало с широкой распространенностью проклятия в культурах Ближнего Востока⁷. К примеру, в Ветхом Завете в качестве легитимных рассматриваются те его образцы, подлинным субъектом которых является Бог, провозглашающий проклятие через уполномоченных Им людей. И если антитезой этому акту служило благословение, то злословию в целом древневосточная этика противопоставляла доброе слово. Благостная речь и приятная весть «утучняют кости», говорили в Израиле, утверждая возможность позитивного преобразования жизни силою слова (Притч. 15:30; 16:24; 25:15).

Произведенный анализ модели речевого поведения, присущей древнееврейской ментальности, позволяет заключить, что выраженная в Писании установка на коммуникативное воздержание и осторожность была вызвана осознанием бытийной могущести речи и ни в коей мере – недооценкой жизненной и культурной значимости речи. Насколько справедливо в таком случае известное утвержде-

³ Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 95.

⁴ Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 221.

⁵ Ср. определение больного, выраженное в одном из вавилонских заклинаний:

Кто очарован враждебным проклятием,

Кого обозначили злые уста,

На кого клеветает язык злоречивый.

Кого волшебник устами связал.

См.: Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 222.

⁶ Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. – М.: Наука, 1987.

⁷ Оппenheim А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. – М., 1990. – С. 192.

ние, что коммуникативная культура ветхозаветного Израиля была «антириторичной»⁸? Если понимать риторику классически, исходя из ее аристотелевского определения как искусства убеждения, этот тезис не соответствует действительности. В интересующем нас мировоззрении идеальная речь обладала максимальной силой воздействия на жизнь, одним из аспектов которого было влияние на сознание человека. Но обсуждаемое утверждение становится более справедливым, если рассматривать риторику в новоевропейском духе как сладкозвучие и красноречие – синоним поэтики. Красноречие предполагает любование речью, ее превращение из орудия жизненно-практического воздействия в объект эстетического наслаждения. Цель речевого произведения как смысл любого творения искусства замыкается в нем самом. Для его восприятия требуется, чтобы между ним и созерцающим его лицом существовала дистанция, взаимная отстраненность. Однако в древневосточной ойкумене, в отличие от античных цивилизаций Греции и Рима, наблюдалось обратное: речь, включая самые «рафинированные» дискурсы, не противопоставлялась, а, напротив, была погружена в жизнь, служила ее нуждам⁹. Модель речевого поведения, предписываемая в библейских книгах, создавалась применительно к такому состоянию коммуникативной реальности, в котором речь переживалась и осмысливалась как могущественное средство бытийного преобразования жизни. Нормы и правила, выработанные в рамках этой модели, в целом работали на поддержание и усиление описанного состояния: слово должно было оставаться делом, поступком, меняющим мир к лучшему, а не становиться праздным, ни к чему не обязывающим развлечением. Поэтому речевая этика Древнего Израиля была столь аскетически взыскательной, уча людей говорить лишь главное, «многое в немногих словах» (Сир. 32:10). Писание возбраняет не красивую и приятную речь, ясно осознавая ее практические преимущества, но ту, которая создается ради самой себя. Оно отрицает праздноречие. «Когда спрашивают, не размножай разговоры, ибо «многоглаголющий опровергает», – гласит одно из поучений «Сираха» (32:6; 20:8).

Опасность уклоня в стихию праздноречевой фатик была тем более актуальна, что эстетический фактор играл очень важную роль в коммуникатив-

ной практике Древнего Востока и израильского общества, в частности. Мы видим, что в Библии авторство многих поэтических произведений, будь то песни, гимны, псалмы или молитвы, приписывается наиболее авторитетным ее героям, начиная с Иеговы и заканчивая народными вождями (Исх. 12:37-40, 13:19; 2 Цар. 1:17-27). О том, что поэтическое творчество поощрялось и культивировалось в Израиле, свидетельствуют упоминаемые в Писании сборники хвалебных, благодарственных, свадебных и плачевных песен. Из них в составе библейских книг до нас дошли «Псалтирь» и «Песнь Песней». Эти песни имели широкую известность в народе, и, кроме того, для их исполнения при храме состояли певчие и профессиональные музыканты (2 Пар. 20:21-22; 35:25; Неем. 12:48). Высокую культурную ценность эстетической функции также подчеркивает тот факт, что многим первостепенным деятелям древнееврейской истории, в частности Давиду, Соломону, Иосифу, Даниилу, традиция приписывала искусное владение речью. Так, к примеру, об Екклесиасте не ради упрека говорится, что он «старался приискивать изящные изречения», чтобы с максимальным совершенством выразить в своих поучениях «слова истины» (Еккл. 12:10).

В то же время необходимо подчеркнуть, что даже в наиболее художественно совершенных произведениях поэтическая интенция никогда не ставилась во главу угла иллюкутивного устройства речи. Чрезвычайно активная в коммуникации, она, тем не менее, имела вторичное значение. Оставаясь на периферии прагматической организации высказывания, эстетический аспект способствовал усилению его главных иллюкутивных целей. Самая чистая поэзия имела в Древнем Израиле прикладной, ритуально-религиозный или обрядово-бытовой характер. На основании сказанного будет точнее и правильнее определить интересующую нас речевую культуру как антифатическую. «От пустословия только ущерб» (Притч. 14:23). Речевая невоздержанность и праздность всегда чреваты грехом, разъедающим бытие: злословием, ложью, гордыней и надменностью велеречивых (1 Цар. 2:3; Пс. 11:4). Пороки, рождаемые праздноречью, подрывают самые основания коммуникации, вызывая неизбежное онтологическое бессилие и связанное с ним культурное обесценивание слова.

⁸ Ромашко С. А. Язык и речь в Ветхом Завете // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 543-557, 556.

⁹ См.: Аверинцев С. С. Образ Античности. – СПб.: Азбука-классик, 2004. – С. 42-44.